

Кадилова Энзе Ханафиевна

ХАРАКТЕРИСТИКА СИСТЕМЫ СКЛОНЕНИЯ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ МУХАММЕДЬЯРА

Крупнейший представитель татарской литературы периода Казанского ханства Мухаммедьяр – автор поэм "Тухфа-и мардан" (Дар мужей), "Нур-и содур" (Свет сердец) и стихотворения "Насыйхат" (Наставление). В статье рассматривается система склонения имени существительного в произведениях Мухаммедьяра. Данное исследование имеет большое значение для характеристики состояния системы именного склонения в определенный период развития языка, а именно в XVI веке. В работе описаны падежные формы простого и притяжательного склонений, определены семантические значения и функции каждого падежа. Особое внимание уделено вариативности оформления падежей и определению ее причин.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/4-1/19.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 4 (22): в 2-х ч. Ч. I. С. 74-77. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/4-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

FORMATION OF COMPLEX DEMONSTRATIVE PRONOUNS IN THE SIRKHINSKII DIALECT OF THE DARGIN LANGUAGE

Kadibagomaeva Zaira Amirbekovna, Ph. D. in Philology
Dagestan State Institute of National Economy
sid_fl@mail.ru

The author discusses the features of complex demonstrative pronouns formation in one of the most isolated and little studied dialects of the Dargin language - in the Sirkhinskii dialect that has many the distinctive features in terms of word formation and inflection of both literary language and other dialects, and concludes that a large number of demonstrative pronouns with complex structures that are not found in other dialects of the Dargin language is one of such distinctive features of Sirkhinskii dialect.

Key words and phrases: complex demonstrative pronoun; dialectal variant; word formative model; deiktonym; grammatical class.

УДК 811.512.145

Филологические науки

Крупнейший представитель татарской литературы периода Казанского ханства Мухаммедьяр – автор поэм «Тухфа-и мардан» (Дар мужей), «Нур-и содур» (Свет сердец) и стихотворения «Насыйхат» (Наставление). В статье рассматривается система склонения имени существительного в произведениях Мухаммедьяра. Данное исследование имеет большое значение для характеристики состояния системы именного склонения в определенный период развития языка, а именно в XVI веке. В работе описаны падежные формы простого и притяжательного склонений, определены семантические значения и функции каждого падежа. Особое внимание уделено вариативности оформления падежей и определению ее причин.

Ключевые слова и фразы: поэт Мухаммедьяр; история татарского языка; категория падежа.

Кадилова Энзе Ханафиевна, к. филол. н.
Казанский (Приволжский) федеральный университет
enge@inbox.ru

ХАРАКТЕРИСТИКА СИСТЕМЫ СКЛОНЕНИЯ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ МУХАММЕДЬЯРА©

Поэмы «Тухфа-и мардан» (1539) и «Нур-и содур» (1542) поэта Мухаммедьяра, крупнейшего представителя татарской литературы периода Казанского ханства, представляют богатейший материал для исследования истории татарского литературного языка. Они отражают широкую картину лексического состава, фонетической системы и морфологического строя татарского литературного языка XVI века.

К сожалению, произведения Мухаммедьяра дошли до нас не в авторском оригинале. В рукописных хранилищах разных городов нашей страны имеется несколько списков. Три списка поэмы «Нур-и содур» и один список «Тухфа-и мардан» хранятся в Санкт-Петербургском филиале Института востоковедения РАН. Там обнаружены самые полные рукописи обеих поэм. Цифры в скобках указывают на строфы поэм «Тухфа-и мардан» и «Нур-и содур» в рукописях, которые хранятся в Санкт-Петербургском Институте восточных рукописей РАН под номерами В50 и В4417 соответственно [8; 9].

Склонение имен существительных, как именное, так и притяжательное, в поэмах по своей основной системе является кыпчакским.

Как и в современном татарском литературном языке, в произведениях поэта представлены шесть падежей: основной, родительный (притяжательный), дательный (направительный), винительный, исходный, местно-временной.

Основной падеж, как и в современном татарском литературном языке, проявляет себя в языке поэм Мухаммедьяра в функции субъекта: *Ануһ сүзүңгә алданды şah cihan Any xuş säüde bezgä bulmady san* [8, с. 45] – ‘Поверив его словам, обманулся шах, Его только любил, к нам относясь с неуважением’; сказуемого (или именной части сказуемого); определения: *Ajde cännät suy irmeş añladym Bu ğärüb ağan süzene тыñladym* [9, с. 49] – ‘Сказал: Я понял: это – райская вода, слушал слова этого араба’; объекта действия: *Buğdajdur tib ilgä satmağyl salam* [8, с. 55] – ‘Не продавай людям солому, называя ее пшеницей’; *Qojuğğa saldy jeb Zahid ul zaman* [Там же] – ‘Опустил веревку в колодец отшельник’; *Qyzny qasr eçrä kiirüb kittelär Tämer taş ilä išek ber-kettelär* [Там же, с. 53] – ‘Девушку ввели в сарай, Дверь закрепили железом и камнями’; обстоятельства: *Kilür irde il ulusdin küb tegeş Mal tuar altun kömüš jaz wä qyş* [Там же, с. 44] – ‘Приходило много подарков из стран: скот, золото, серебро каждые лето и зиму’. Имя существительное в основном падеже в поэмах очень часто функционирует как обращение: *Näçä ürtärsän didem sän äj küñül Quj mäne üz xalemä mändin tüngül* [Там же, с. 42] – ‘Сколько дразнишь меня ты, о душа, Оставь меня в покое, откажись от меня’.

Таким образом, все функции основного падежа имен существительных поэм Мухаммедьяра совпадают с таковыми современного татарского языка.

В поэмах Мухаммедьяра родительный падеж образуется с помощью аффикса *-nyj/-nej*: *Ber keşenej ike balsa doşmanı* [Там же, с. 54] – ‘Если у человека два врага’; *Räwan kilterdelär bikneñ qatyna* [Там же, с. 57] – ‘Быстро привели его к беку’; *Şah işeteb wäzirneñ bu süzene* [Там же, с. 43] – ‘Шах, услышав слов везира...’.

Наряду с данной формой в поэмах, в зависимости от вокализма основы, родительный падеж представлен губным вариантом *-nyj/-nüj: küñül+nüj* [Там же, с. 54], *qol+nyj* [Там же, с. 55], но *üksüz+nej* [Там же, с. 50], *Xuñun+nyj* [Там же, с. 45]. В написании аффикса *-nyj/-nej* в рукописях поэм наблюдается неоднородность. Это обуславливается наличием или отсутствием гласного *ı*, а также и написанием графемы *ŋ* аффикса: 1) نینک и 2) نینک. Даже одни и те же лексемы могут быть написаны по-разному в рамках одной страницы: *keşenej* كشی نینک [Там же, с. 48], *كشی نینک* [Там же].

Имя существительное в дательном падеже оформляется аффиксами *-ğa/-gä, -qa/-kä* и выступает в предложении как косвенное дополнение, обстоятельство места, времени, причины, цели: *Ber kijeşgä any ul xuñ çolğady Jibläir işeb maxkäm any bağlady* [Там же, с. 49] – ‘Завернул он его в войлок и, свивая веревку, крепко его связал’; *Totub bağlady täräkkä bäk any Säğät eçrä ber elkene kiste any* [Там же, с. 61] – ‘Бек, поймав ее, привязал к дереву и тотчас отрезал ей одну руку’; *Qablan darxäl übüb asitan Jörüb julğa kerde bulub räwan* [Там же, с. 56] – ‘Капкан тотчас, поцеловав землю под ногой, Вышел на дорогу и отправился в путь’. Указанные аффиксы зафиксированы и в «Нахдж ал-фарadis» [7, с. 12], «Кисекбаш китабы» [1, с. 80]. В поэмах Мухаммедьяра прослеживается различное написание данных аффиксов. В некоторых случаях после глухого согласного употребляется аффикс *-ğa*: *Män tiggän utğa keşe beşmägüj* [8, с. 54] – ‘Огнем, которого я касался, никто не обожжется’; *Jamanlyqğa jamanluq kilür haman* [Там же, с. 55] – ‘На худо всегда придет худо’; *Jaxşylyqğa jaxşylyq kilmäs dimä* [Там же] – ‘Не говори, что на добро не ответят добром’. К основам, оканчивающимся на сонанты, присоединяется суффикс *-ğa*: *Julğa* [Там же, с. 56] – ‘в путь’, *tağğa* [9, с. 47] – ‘в гору’, *ğalimğa* [8, с. 44] – ‘ученому’, *Harunğa* [Там же, с. 45] – ‘Харуну’.

Имя существительное в винительном падеже оформляется с помощью аффиксов *-ny/ne*: *Aldym elkemä qalämne ul zaman* [9, с. 66] – ‘Взял я в руки перо тогда’; *Kiltürüb balyqny aryğ jirgä salyb...* [8, с. 63] – ‘Положив рыбу на чистое место...’; *Kücä eçendä jörür irde jaryqlyqny küriüb* [Там же, с. 52] – ‘Бродил он по улице, увидев свет’. При явном преобладании аффиксов *-ny/-ne* в языке поэм употребляется и огузская форма *-y/-e*: *Undürt jaşenä jitsä üze Büre jigaj ğäqibät oşbu qyzy* [Там же] – ‘Когда она достигнет четырнадцати лет, эту девушку тогда съест волк’.

Исходный падеж в языке поэм Мухаммедьяра оформляется вариантом уйгурского типа *-din*: *ziräklekdin* [Там же, с. 47] – ‘от чуткости’, *işekdin* [Там же] – ‘от двери’. Употребление аффиксов двух типов наблюдается и в исходном падеже. Изредка выступает вариант на *-dan*, который графически передается в форме *ناد*: *tağ+dan* [9, с. 63] – ‘с горы’, *ber-beren+dän* [8, с. 56] – ‘друг у друга’; *köndän kön* [Там же, с. 62] – ‘со дня на день’, *borunğudan* [Там же, с. 43] – ‘с древних времен’, *andan* [Там же, с. 48] – ‘у него’.

Этот падеж может указывать на начало действия: *Ul şähärdin käärendä kem haman Jadyña kilde zärgär ul zaman* [Там же, с. 56] – ‘Он, когда переправлялся из города, Вспомнил тогда про ювелира’; причины действия и состояния: *Räwan kiltürdelär bikneñ qatyna Aşyğyndin susamyş irde qanyña* [Там же, с. 57] – ‘Быстро привели его к беку, От злости жаждал его крови’; время начала действия: *Wäğdäse ber jyldin uzdisä tämam Kilde şahğa barça räğijät xass-wa ğam* [Там же, с. 53] – ‘Прошел год после его обещания, и пришли все люди к шаху’.

Применение окончания в древнеуйгурском варианте необходимо объяснить влиянием и сохранением существующей в те времена письменной-литературной традиции. Употребление аффикса исходного падежа *-din* наблюдается и в диалектах татарского языка. Зарегистрировано употребление этой формы в мишарском диалекте [6, с. 71] и в говорах крещеных татар: *Нечкәкәй, нечкә, ай иләктин, оннар иләп керттем, келәттин* – ‘Через тонкое-тонкое сито просеяла и принесла муку из клетки’ [2, с. 78].

Местный падеж образован при помощи аффикса *-da/-da* и указывает на время совершения действия, местонахождение предмета: *Büre utlağynda xärğüş jañlamas Büre aғыны tauşqan aulamas* [8, с. 15] – ‘На пастбище волка заяц лето не проведет, На добычу волка заяц не охотится’.

Интерес представляет единичный случай употребления формы местного падежа *-da* вместо исходного, зафиксированный в языке «Нур-и содур»: *Ew münüşündä iske mamıqny alub Ul kääçä igärüb kiläbkä sarub* [9, с. 63] – ‘Взяв валявшийся в углу комнаты старый хлопок, в ту ночь пряла и сновала’. Такое явление издавна отмечалось в древних тюркских текстах. По данным А. Н. Кононова, форма исходного падежа *-da/-dä* зарегистрирована в древнеуйгурском языке [5, с. 157]. Местный падеж используется в функции исходного падежа также в «Нахдж-ал-фарadis» [7, с. 114].

Принадлежность в поэмах «Тухфа-и мардан» и «Нур-и содур», как и в современном татарском литературном языке, выражает отношение одного предмета, лица или явления к другому предмету, лицу или явлению. Аффиксы принадлежности в поэмах имеют следующие формы лица и числа: в ед. числе 1 л. – *-um/-üm; -ym/-em, -ni*; 2 л. – *-uñ/- üñ; -yñ/-eñ, -ñ*; 3 л. – *-y/-e, -sy/-se; -u/-ü*; во мн. числе 1 л. – *-ymyz/-emez*; 2 л. – *-uñuz/-üñüz; -yñuz/-eñez*; 3 л. – *-lary/-läre*.

1 л. ед. ч.: *İmdi äjtäjem kitabym atyny* [9, с. 41] – ‘Теперь скажу названия книги’; *Didem äj küñlüm icäzät bir mäña* [8, с. 44] – ‘Я сказал: О сердце, дай мне волю’; 2 л. ед. ч.: *Kem quluğdin kilgänçä qyl jaxşylyq* [Там же, с. 55] – ‘Делай добро, как сможешь’; *Jite äğzañ töz jarattym män qamuğ* [9, с. 64] – ‘Семь частей тела — всех сотворил исправно’; 3 л. ед. ч.: *Atasy juqunda sail kilde qulğale* [8, с. 60] – ‘В отсутствие отца пришел нищий просить’;

Xatuny jaxşy qyldyñ tide [Там же, с. 62] – ‘Его жена сказала: ты сделал хорошо’; 1 л. мн. ч.: *Xäjlä belä üçümüzne almaq kâräk* [Там же, с. 65] – ‘Хитростью нас троих взять надо’; 2 л. мн. ч.: *Ajtä torğan süzeñez tyñlamajñ, Ul bojurğan eşeñez añlamajñ* [9, с. 54] – ‘Не дослушав ваших слов, не поняв ваших поручений’; *Serreñez süzen mäña beldürdüniz* [Там же] – ‘Делились со мной своими секретами’; 3 л. мн. ч.: *Telgä äjtür bu qamuğ ändamläre* [Там же, с. 57] – ‘Говорят все части тела языку’; *Watanlary irde šähri Färxärdä* [8, с. 62] – ‘Родина у них город Фархар’; *Šahğa xuš kilde anyñ bu süzläre* [9, с. 54] – ‘Шаху пришили по душе эти его слова’.

Притяжательное склонение имен существительных также полностью соответствует склонению в современном татарском языке. Варьирование выступает в дательном, винительном и исходном падежах.

Дательный падеж имен существительных с аффиксами принадлежности зафиксирован в разных формах.

Парадигма склонения

	Ед. ч.	Мн. ч.
1 л.	-yña/-emä (17) -ymğa/-emgä (1)	-ymyzğa/-emezgä (2)
2 л.	-yña/-eñä (19) -yñğa (1)	-ymyzğa/-ejezgä (3) -umuzğa (1)
3 л.	-unğa/-iñgä; -yñğa/engä (51) yña/-enä (58) -yğä/-egä (25)	-

Как видно из таблицы, преобладающим является кыпчакский тип склонения (с промежуточным *-n*), зафиксирована также карлукская форма (без промежуточного *-n* (3 л.)) и уйгурский вариант (*-yñğa/-engä*).

В поэмах «Тухфа-и мардан» и «Нур-и содур» дательный падеж третьего лица представлен также разными вариантами. Для того чтобы определить характер этого явления, были подсчитаны все падежные варианты. В количественном отношении доминирует форматив *-yña/-enä*: *Kilde qojuğ başyna su barmu tib Jörür irde üzen ğajät susatyb* [8, с. 55] – ‘Подошел к колодцу узнать, есть ли вода, так как был измучен жаждой’; *Zahid jitte biçin bağyna tämam Bicin ğizzät ilä qyldy säläm* [Там же, с. 56] – ‘Отшельник подошел к саду обезьяны, и обезьяна с уважением приветствовала его’. Встречается также и форма *-yñğa/-engä*: *Alyb any üze ewengä ilteb Qyzy juq irde üzengä qyz iteb* [Там же, с. 52] – ‘Он ее забрал к себе домой, у него не было дочери, и он удочерил ее’.

Наряду с вышеуказанными вариантами зафиксирована форма *-yğä/-egä*: *Ewegä kilde äjde äj xäbibä Utünüem bar sükmä mäne äj zäğifä* [Там же, с. 62] – ‘Пришел домой и говорит: «О любимая, есть у меня просьба, не ругай меня, о моя женщина»’. Из вышеуказанных примеров видно, что варианты *-yñğa/-engä* и *-yğä/-egä* могут употребляться в одном и том же слове, а именно в слове *ew* ‘дом’: *ew-engä, ew-egä*.

Весьма широко варьируются также окончания винительного падежа третьего лица *-n* и *-ny*. В притяжательном склонении 3 лица ед. ч. окончания *-yn/-en* и *-ny/-ene* употребляются приблизительно в одинаковом количестве. В поэмах словоформы винительного падежа на *-yn* и *-ny* могут параллельно употребляться в рамках одного бейта: *Çon kitabym atyny añladynyñ Šah doğasy süzlären tyñladynyñ* [9, с. 42] ‘И вы поняли название моей книги, вы услышали слова молитвы шаха’. Возможно также употребление одних и тех же лексем с формативами *-ny* и *-yn*: *Totub anyñ süzene šah cihan Ğadl qylu bašlady Nawuširwan* [Там же, с. 44] ‘Внимая его словам, о царь Вселенной, начал справедливо действовать Науширван’. Подобное варьирование наблюдается в памятниках золотоордынского периода [7, с. 331], в поэтических произведениях XVII-XVIII вв. – у М. Куляя [4, с. 6] и других авторов. Данный пример – как раз тот случай, где огузский форматив винительного падежа *-ny* в притяжательном склонении употребляется с целью образования рифмы.

В склонении имен существительных с аффиксами принадлежности 1 лица ед. ч. в винительном падеже наблюдается параллельное употребление разных вариантов. При явном преобладании аффиксов *-ymny/-emne* и *-ymny/-enne*, в языке поэм встречается и форма *-y/-e* (в пяти случаях): *Anda äjdimsä süzümi almadyñ Niç fikr iteb qolaqyña salmadyñ* [8, с. 57] – ‘Тогда я говорил, ты не принимал всерьез мои слова, не задумался, не прислушался’. Обращаясь к функционированию данного варианта в этом случае, можно заметить, что винительный падеж *-y/-e* употребляется для изменений соотношений затраты и открытых слогов: *sü-zü-me*, но: *sü-züm-ne*.

Исходный падеж имен существительных с аффиксами принадлежности 3 лица ед. ч. оформлен в поэмах окончаниями *-yndin/-endin, -undin/-ündin, -ydin/-edin, -udin/-üdin: jözündin* [Там же, с. 47] – ‘от твоего лица’, *süzendin* [Там же] – ‘от своих слов’, *namusyndin* [Там же] – ‘от его совести’. В языке поэм преобладает первая форма.

Таким образом, можно сделать вывод, что в языке произведений Мухаммедьяра система склонения является склонением кыпчакского типа. В винительном падеже наблюдается вариативность в употреблении форм *-ny/-ne* и *-y/-e*, где преобладает кыпчакский тип *-ny/-ne*. Особенностью является также вариативность оформления дательного-направительного и винительного падежей с аффиксами принадлежности. Подобные варьирования широко представлены и в произведениях золотоордынского периода, также в памятниках XVII-XVIII вв. Аффикс *-din* в поэмах поэта является единственным показателем исходного падежа. Языки двух поэм Мухаммедьяра в отношении использования форм склонения не различаются.

Список литературы

1. Ахметгалеева Я. С. Исследование тюркоязычного памятника «Кисекбаш китабы». М.: Наука, 1979. 191 с.
2. Баязитова Ф. С. Говоры татар-кряшен в сравнительном освещении. М.: Наука, 1986. 247 с.
3. Кадилова Э. Х. Поэмы Мухаммедьяра «Тухфа-и мардан» и «Нур-и содур»: лексика. Казань: Фикер, 2001. 232 с.
4. Кадилова Э. Х. Язык хикметов татарского поэта XVII века М. Куляя. Казань: Gumanitayra, 2003. 112 с.
5. Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников: VII-XIII вв. Л.: Наука, 1980. 255 с.
6. Махмутова Л. Т. Опыт исследования тюркских диалектов: мишарский диалект татарского языка. М.: Наука, 1978. 271 с.
7. Нуриева Ф. Исторические и лингвистические условия формирования тюрко-татарского литературного языка золотоордынского периода. Казань: Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина, 2004. 376 с.
8. В50: рукопись поэмы «Тухфа-и мардан» // Фонд тюркских рукописей. Рукописная коллекция ИВР РАН.
9. В4417: рукопись поэмы «Нур-и содур» // Фонд тюркских рукописей. Рукописная коллекция ИВР РАН.

**CHARACTERISTICS OF NOUNS DECLENSION SYSTEM
IN MUKHAMMED'YAR'S WORKS**

Kadirova Enze Khanafievna, Ph. D. in Philology
Kazan' (Volga Region) Federal University
enge@inbox.ru

The largest representative of the Tatar literature from the Kazan' Khanate period is Mukhammed'yar - the author of poems "Тухфа-и мардан" (Husbands' Gift), "Нур-и содур" (The Light of Herats) and rhyme "Насыйхат" (Admonition). The author considers the nouns declension system in the works of Mukhammed'yar, tells that this research is important for the description of the state of nominal declension system in a certain period of language development, namely in the XVIth century, describes the case forms of simple and possessive declensions, determines the semantic meanings and functions of each case, and pays particular attention to the variability of cases figuration and the determination of its reasons.

Key words and phrases: poet Mukhammed'yar; history of Tatar language; category of case.

УДК 81

Филологические науки

Статья посвящена теоретическим вопросам письменной коммуникации. Текст в новой парадигме письменного общения рассматривается как часть среды взаимодействия писателя и читателя с другими аспектами среды, учитывается динамика взаимодействий участников переписки. Автором подчеркивается, что переписка носит ориентирующий характер, приводит к координации поведения и, тем самым, может вывести обоих коммуникантов на новый этап познания.

Ключевые слова и фразы: письменная коммуникация; текст; электронное письмо; наблюдатель; среда; динамика взаимодействий; ориентация; индексы; аффордансы.

Карамалак Ольга Алексеевна, к. филол. наук
Магнитогорский государственный университет
olgakaramalak@yandex.ru

**ПИСЬМЕННАЯ КОММУНИКАЦИЯ
КАК СРЕДА ИНТЕРАКТИВНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ®**

До недавних времен письменное общение в полной мере не считалось коммуникацией из-за отсутствия непосредственного контакта между адресатом и адресантом (визуального и слухового взаимодействия) и невербальной стороны общения – мимики, жестов и таких паралингвистических составляющих как интонирование речи, ритм, тон, паузы и т.д. Всё это являлось причиной слабой эмоциональности письменного общения, отсутствия интерактивности и, тем самым, невозможности интенсивной выработки «общего смысла» или совместной деятельности.

Однако современные технические нововведения, в том числе Интернет и сотовая связь, позволили пересмотреть отношение к письменной коммуникации, сделав ее интерактивным и диалогическим видом общения и, тем самым, предоставив широкое поле для лингвистических и социально-психологических исследований.

В век электронных технологий письменная коммуникация становится все более популярной. Люди все чаще обмениваются текстовыми сообщениями в различных социальных сетях, участвуют в блогах, чатах, форумах, ведут активную переписку по электронной почте. От «реального» общения письменная коммуникация продолжает отличаться только своей естественной чертой – отсутствием невербальной составляющей. Остальное происходит так же, как в обычном, «реальном» диалоге.